

Снегалия
Морозова

Исцеление любовью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Снеталя Морозова

Исцеление любовью

«Автор»

2026

Морозова С.

Исцеление любовью / С. Морозова — «Автор», 2026

Стефания мечтает о ребенке и решается на авантюру, доверившись целительнице. Девушка попадает в другой мир, где, исцеляя владыку земель, сама исцеляется. Земная женщина окунается в непохожий на её привычный мир, но чувствует себя на своем месте, находит любовь и счастье. В книге много эротики, любви. Многомужество. ЖММ. В этой истории попаданкой будет не только главная героиня.

© Морозова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
6	20
7	22
8	25
9	28
10	31
11	35
12	38
13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Исцеление любовью

1

- Насосут! Права купят! Прижмись правее, курица! Тупорылая овца, прижмись же!

Громкий сигнал ударил по мозгам, агрессивный, безжалостный, злой, противная физиономия в открывающемся окне орала на меня, а хозяин этой морды прижимал своей машиной мою к обочине.

«Урод! Мудак!»

Я не кричала ему в ответ - боялась, про себя обзывала водителя, конечно, как умела. Его серебристому JAESCO J7 помешала моя маленькая бордовая Skoda Octavia. Да, я купила её недавно, да, я плетусь иной раз как черепаха, и да, я выперлась на середину, но тут разметки нет. Сука, ненавижу мужиков, не мужики, а мудаки!

Остановилась на обочине у продавщицы, торгующей медом, орехами, грибами, ягодами. Живенькая женщина, лет 65, стояла под самодельным навесом, видно чьи-то заботливые руки позаботились об удобстве: стульчик со спинкой и мягкой подстилкой, переносной большой холодильник со столешницей, стоящий рядом с прилавком, на котором находились термос и ланч-бокс, айфон последней модели тут же, от чего мои брови взлетели удивленно.

- Тоже до Аглаи, красавица?

- Ага, - я выдохнула.

Мужик выбил из колеи, вот зачем потащила в такую даль на машине, 350 км, ладно полтинник остался, уже почти приехала.

- Туалет там, - женщина недовольно показала в сторону леса.

И вправду под насыпью виднелись две наспех срубленные покосившиеся кабинки из необтесанных досок: М и Ж.

Я поплелась вниз, поскользнулась, прокатилась по траве задницей и разревелась. Вот столько держалась, а тут полилась слякоть.

«Ну, блядь, чё реву-то? А потому, что жизнь – дерьмо, Паша – чмо, Ирма не помогла, поверила в монашку – еду к ней за помощью, а что она сможет-то? на дороге обосрала. Тетка недовольная, что не купила ничего у неё. Было бы не так обидно, если бы насосала, я вообще не сосала никогда никому по-человечески, от души! Сама накопила, заработала, с рук купила машину».

Открыла скрипучую дверь, и слезы пропали моментом, запах отрезвил махом. Прокашлявшись, сразу включилась логика и здравый смысл: забыла взять влажные салфетки, в кармане нашла носовой платок – привычка с детства. Осмотрелась по сторонам, может в кустики все же лучше. Встретилась взглядом с торговкой – бесит, и зашла в преисподнюю, закрывая дверь за собой.

Пятьдесят км осталось до Аглаи этой, у неё и надо было сходить. Вот чего спустилась-то?

Я схватилась за устойчивые косяки, так мне показалось надежнее, молясь всем Богам, чтобы не провалиться в вонючую Нарнию, чуть присела, сосредоточилась и обоссала джинсы.

Пиздец, может сразу развернуться и домой уже, ну не складывается всё! Наспех оделась, задержав дыхание, и выскочила на свежий воздух, поплелась до бизнес-леди деревенской.

- Медку возьми. Попробовать хочешь?

Мне захотелось, как в детстве, макнуть корочку хрустящего белого хлеба в свежий липовый мед и запить молоком, аж слюни сглотнула.

Внимательная продавщица заметила, взяла салфетку – молодец, подняла чистое белоснежное полотенце, отломил кусок толстого мягкого лаваша и протянула мне, затем тонкой бесконечной струйкой влила в разовый пластиковый стаканчик мед, снова протянула мне. Я с

жадностью опустила кусок лаваша в золотистую жидкость, и весь кусок с пчелиным нектаром захватила ртом. Закрыла глаза, сзади шум дороги стал сливаться, уходя на второй план, в нос ударило приятное першение, и я стала медленно жевать эликсир, по-другому не скажешь. Ни мыслей, ни слуха, ни взора, я стояла закрытыми глазами и слушала только вкус. Блаженство! Я хочу быть медом, чтобы от меня балдели мужики, а не орали и не пользовались. Прожевав, проглотив, открыла глаза.

- Братъ будешь?

- Давайте!

Я купила три баночки литровых разного меда у продащицы, мешок земляники, какого-то травяного чая, что никогда не заваривала, потому что на это времени не было. Знаю, что через год, разламывая ящики, выкину скорее всего его, но сейчас купила с мыслью, что обязательно его использую.

Мне захотелось поговорить с этой посторонней женщиной, наверное, потому, что такое послевкусие у меня сейчас внутри, будто стенки желудка обволакивает ароматная сладость.

- Спасибо вам! Хорошей вам торговли!

- Спасибо, красавица! А тебе мужика хорошего!

Я не ожидала такого напутствия, рассмеялась, но её слова так согрели мне душу.

- Спасибо!

- Давай!

Я оглянулась, за спиной припарковалась представительская машина, из салона вышел мужчина лет сорока, в строгом костюме, в руке папка кожаная, уверенно зашагал к нам. Лицо его было знакомое, может на выписке выдела, муж или отец мамочки какой-то.

Я уже настроилась отвоевывать у чиновников место под солнцем для этой женщины, защищая её права.

- Мария Павловна, подпишите, это «Ключи», я всё перепроверил, можно сотрудничать. Вас забирать, как договорились, в 16.00?

- Да, Саш, как договорились.

Мария Павловна достала очки из кармана, цепким и умным взглядом начала вчитываться в документы, что ей протянул Александр.

Только сейчас я обратила внимание на аккуратный маникюр с прозрачным лаком, под платком разглядела красивые мелированные пряди.

Села в машину и поехала дальше, поражаясь, как обманчиво может быть первое впечатление.

2

Хорошего мужика...да, хочу. Да, где его взять только?

По дороге до Аглаи я стала опять рефлексировать, ударилась в прошлое, вспоминая всё, что привело меня сейчас на эту трассу.

Всплывали картинки моего детства. Маленький сибирский городок в Новосибирской области, мои сто баллов по химии за ЕГЭ, поступление на бюджет в престижный МГМУ им. И.М.Сеченова, где обучение за год доходило до 1 миллиона рублей. Как мы жили в общежитии с девчонками, каким был тяжелый особенно первый год вдали от привычной жизни с мамой, папой, сёстрами. Тяжелый и потому, что много задавали: особенно анатомия, где надо было зубрить всё. Первый секс с Комаровым на койке в комнате, где через ширму спала Юлька. Мы с Димкой готовились к зачету, потом поцелуи, а потом он так ловко меня посадил на свой член, что я только и успела пикнуть. Помню его удивление от вида крови, признался честно, что не ожидал, что я еще девочка, с моей-то внешностью. Полгода еще терся всё рядом, а мне учеба нужна была, да и к нему я особой страсти не испытывала, а первый секс вообще и вспоминать нечего.

Как я это одолела всё, вынесла, сдюжила? Ведь очень многие с нашего потока не смогли, бросили ВУЗ. Потом она, Лаубер Ирма Генриховна, заявила, приглашая, вернее, нет, отбирая лучших на кафедру акушерства и гинекологии. Потом диплом, потом работа в Перинатальном центре, первое ведение беременности, потом операционный зал, первое кесарево и пошло-поехало.

Я улыбнулась, работу свою всё-таки обожаю, эти лица счастливые, папочки обескураженные, падающие в обмороки от крови, а потом плачущие от счастья. Трепет при выписке.

Я прижалась правее на всякий случай, ехала в своих комфортных 60 км/ч, снова погружаясь в воспоминания, которые потоком нахлынули именно сейчас.

Вспомнилась наша с Павлом первая встреча. Целая делегация тогда забирала Алину Персиянову: муж, родители Алины и Ярика - её мужа, старший брат Павел. Как он тогда задержал на мне взгляд, когда мы вышли традиционно на выписку: я и акушерка Светлана Аркадьевна. Через месяц мы уже жили у него, мне было двадцать шесть лет, ему тридцать один. Я работала, он тоже, мы так решили тогда, что у каждого есть призвание – и это первостепенное. Это я сейчас понимаю, что я просто согласилась на то, что мы ужинаем в ресторане, а не дома, на выходные у каждого своё времяпровождение, всё было гладко вроде. А потом на стройке тот несчастный случай, и нашли крайних, конечно, обвинили его и прораба в несоблюдении техники безопасности. Павел курировал объект, это потом выяснилось, что конкуренты подставили, но было уже поздно. Паша так наклюкался тогда от горя, достал зачем-то припасы фейерверков, в один заглянул, ожидая, когда тот пальнет, а он и пальнул, прямо в глаз, хорошо жив остался. Ему удалили остатки глаза, вставили стеклянный. Мне это не мешало, я так же его любила, или не любила я его никогда, просто нам было удобно, да. У Паши случилась другая жизнь: депрессия, претензии, придирки: где я так долго, шлюхаюсь, отсасываю всем подряд и по кругу. Ушел с холдинга строительного, засел дома, играл круглыми сутками в онлайн-шахматы, да чё там играл, и сейчас играет.

Это было три года назад, три года он не работает. Я в центре так и рожаю с мамочками, мечтаю сама о ребенке. Мне тридцать восемь уже, Паше – сорок три, а детей у нас нет. У меня шесть выкидышей и три процедуры ЭКО, но эмбрионы Павла после процедуры переноса так и не приживаются.

В голове всплыла картина, после которой я открыла портал и заполнила заявление о разводе.

- Пришла. Стеш, дома хлеба нет, сгоняй, пока не разделась.

Я задержалась тогда на работе допоздна, сложные роды были, двойняшки, с задним прилежанием один, сама родила женщина, но разрывы были большие и сложные, зашивала ювелирно, можно сказать филигранно, уткнувшись носом в промежность пациентки. Старалась. Спина болела, нет - ныла уже, в туалет хотела, но старалась, а тут: стоняй!

А до этого месяц назад очередной выкидыш, шестой. Как не сохраняли беременность мне всей клиникой, ну, никак. Я подошла тогда к нему, мужу моему, обросшему, располневшему, с крошками чипсов на губах и как прошипела:

- Я хлеб не ем.

- Ой, обиделась. А как же и в горе, и в радости, я у тебя, заметь, денег не беру, машину свою продал, мне на эти деньги можно безбедно еще лет пять жить, как хочу.

- Ну и живи.

- А ты какую-то рухлядь купила без меня, права получать пошла под старость лет.

- На себя посмотри? Ты стал походить на..

Пока я подбирала слова, как он опустил, он продолжил:

- На калеку, да? Че, не красивый, смотреть тошно?

- Это ты сам придумал, мы это обсуждали сто раз, Паш. Не во внешности ведь дело, у тебя на месте мозги, руки, ноги, да и глаз идеально сделан, не прикопаешься, как свой. Смотреть тошно - да, но на то, как ты себя закапываешь, как себя не любишь. Я устала, тяжелый день, сам сходи.

- Иди пизду мой тогда, а то сосать ты не любишь у нас, а долг супружеский знаешь, набухает уже.

Я сжала зубы, впервые мне захотелось ему вмазать, чтоб, блядь, глаз его выскочил и второй в придачу выбить. Пошла на кухню, встала у окна: не зареву, я сильная, сколько можно жалеть того, кто сам себя не любит, не старается, не хочет. Да, кроме жалости к мужу у меня ничего не осталось, зато появилось...отвращение.

У Паши всегда была своя точка зрения, с которой надо было соглашаться, точка! бляять зрения, а не кругозор!

До Кистенёвки оставалось десять километров, вот так за мыслями и бежит дорога. Август одаривал, как мог: и теплом, и урожаем, и красками. Я вспомнила продавщицу с айфоном и личным водителем, улыбнулась, удивляясь снова.

Эта дама с вкуснейшим медом мне напомнила Ирму Генриховну, ведь именно с её подачи я рванула за 350 км от города к монахине Аглае, что живет при церкви, обладая даром исцеления.

Тут же вспомнила, как несколько дней назад я пришла к Ирме Генриховне на консультацию.

- Стефания Воронова! Ах, как я рада тебя видеть! Наслышана о тебе, клинику выбирала для внучки, на вашем центре остановилась. Ты её ведешь, Мия довольна.

- Мия Славская – ваша внучка?

- Да!

- Я не знала. Время летит.

- Не то слово. С чем пожаловала?

Я тогда вывалила ей все результаты чек-апов, своих и мужа, рассказывая о выкидышах и ЭКО, показывая, что мы с мужем здоровы.

- Правда, анализы мужа не свежие, но..

- Я вижу дату, - проглядывая бумаги, сжала губы трубочкой профессор Лаубер Ирма Генриховна.

Лучший гинеколог всех времен и народов - так говорили о ней на протяжении всех лет учебы, боялись её и уважали – строгая, опытная, умная, немка по крови, русская по духу.

Читает лекции до сих пор и ведет дорогие частные приемы, еще и УЗИ делает, еще и недавно выучилась на нутрициолога, не женщина, а глыба! Мощь!

- Стеша, тут дело в другом. Я дам тебе телефон одной монашки, съезди к ней, она целитель и наставник, поговори с ней, что-то тут другое.

- Какое?

Я пребывала в шоке, чтобы матерый врач, профессор, меня отправил к травнице какой-то, целительнице?

Взяв номер телефона этой чудо-целительницы, поговорив еще о том и сём с Ирмой, я, совсем упавшая духом, пошла домой.

Муж, получив документы о разводе, напился, орал, обвинял в черствости, предательстве, в том, что у меня в роду ведьмы были, сглазила я его, он не изменял мне никогда, хотя я никакая в постели.

- Устраивайся на работу, поговорим, всё в твоих руках, у меня никого тоже не было, только ты.

Он что-то начал опять плести оскорбительное, я пошла опять на улицу, он не спросил, где я была в свой выходной, он уже давно ничем не интересовался, я оставила его одного, пусть протрезвеет, подумает.

Я захотела в сибирский большой дом, где веселая мама, сестры, брат, но и там я уже будто не в своей тарелке.

3

Воспоминания годичной давности замелькали.

Год назад я прилетела на малую родину, поделиться своими женскими проблемами: невозможностью выносить, ситуацией с мужем, поплакаться, побыть дома. Хотя, я как уехала в 18 лет, у родителей Димка тогда родился, мой младший братец, так и разорвалась связь с домом.

За столом сидели все: мама, ей 56 лет, а из-за лишнего веса и хозяйства она выглядела старше, но жизнерадостная всегда, горластая, с шутками, байками, папа, ему 63, такой же спокойный и мягкий, сестры-близняшки Татьяна и Ольга, им по 29, обе замужем уже, с мужьями и с детьми. У Тани и у Оли по двое уже ребятишек, Димка, наш последыш, братик мой, любимчик родителей, ему 20. Красивый!

Сестры мои, как мама, самогончку приняли и давай ржать, я тоже с ними выпила, посмеялась, так и не поделилась, с чем пожаловала. Мама все про Таню и Олю рассказывала, про внуков, про Димку, как год в армии был, что сейчас в Сельхозакадемию поступил на целевое – повезло.

- Стеш, ты раньше деньги высылала, а в последнее время перестала, - мама поинтересовалась единственным.

- Маш, ты в своем уме? – вклинился папа, - не обращай внимания, дочка.

- Муж не работает сейчас, мам, да и машину я купила, - растерявшись, начала оправдываться.

- Ну, конечно, вам москвичам, запахло на автобусах, да? – Таня вроде шуткой, а выглядело как-то обидно.

- Ну, она же богатая у нас, статус, гламур-тужур, - Оля подыграла Татьяне.

- А что, Саш? Сама она доктор, а сестрам не помогла, вон, Ольку до города еле довели тогда, Вероничка чуть в дороге не родилась, а могла бы прилететь на роды сестёр родных.

Маму от выпитого понесло. Утром потом ревела, прощения у меня просила, а я будто уже и не дома была, всё тут не моё уже. Смотрела я тогда на маму, волосы у меня от неё, густые, пшеничные, грудь всем дочерям досталась тоже по материнской линии, высокая красивая полная. А вот глаза у меня зеленые, отец говорил, что в бабушку я его - красавицу, у сестер карие в папу, у мамы голубые.

Провожая, отец обнял меня:

- Ты самая лучшая из нас, самая смелая, самая счастливая! Помни это, Стеша. Бабушка моя, красавица была, ты похожа на неё очень, говорила нам, внукам: от предложений не отказывайтесь, от работы не отлынивайте, а то второй раз могут и не предложить, но умейте понимать, что оно ваше, чувствуйте. На мать не обижайся.

- Спасибо, пап, люблю тебя!

- Тоже очень люблю тебя, и не переводи денег больше. Все тут с руками и с ногами, все работают, я не знал, что ты переводила.

- Зарплаты тут маленькие, я все понимаю, пап.

Отец обнял меня крепко, посмотрел в глаза.

- Все будет хорошо, Стеша.

За воспоминаниями не заметила, как проехала указатель деревни, остановилась, как договаривались с целительницей, скинула смс у указателя, что подъезжаю, настроила навигатор на адрес. Через несколько минут я увидела церковь, проехала её, у деревянного дома, довольно приличного, двухэтажного, припарковалась, глянула на часы, тык в притык. Поднялась на высокое крыльцо, толкнула дверь, вошла. Внутри пахло деревом, приятно. Услышав женский голос, пошла на него, проходя по коридору. Вроде и обои самые простые, и мебель

самая скромная, но было просторно и чисто, каждая вещь лежала на своем месте. Ко мне спиной стояла женщина и говорила по телефону.

- Что очередная пиздострадалица столичная приехала от депрессии лечиться? - раздался из телефона женский голос.

Словно подруги тут решили покуражиться, а я узнала их прикол, стою тут, давя в себе желание свалить отсюда. Но! Я проехала впервые сама такое расстояние, ну, нет, досижу до конца этого спектакля, в глаза посмотрю этой монашке-матерщиннице.

- Не знаю, - спокойно ответила Аглая.

Закончив звонок, женщина, так же, стоя спиной ко мне, надела на лицо что-то, развернулась, приглашая меня за стол. Руки её были в перчатках, но я увидела деформацию конечностей, похоже на ревматический артрит.

- Стефания?

- Да, Аглая.

У Аглаи было закрыто лицо темной тонкой маской. В комнате было светло, в углу стояли образа, пахло вкусно воском и почему-то свежим хлебом. Спокойствием пахло еще, вот.

Аглая наклонилась к полу, поставила передо мной поллитровую бутылку с водой, как на переговорах.

- Стефания, у меня всего лишь час, говорите.

Голос у Аглаи был спокойный, приятный, успокаивающий даже.

- Аглая, помогите мне. Я сама врач, проверилась уже несколько раз - здорова, патологий нет, но не могу выносить ребенка, беременность наступает, максимум была 5 недель и выкидыш. ЭКО тоже не получилось.

- Вы замужем?

- Да.

- Почему без мужа решили приехать?

- Мы разводимся.

- А родить от кого хотите, если разводитесь?

- Хоть от кого.

- А ребенок вам зачем?

Я опешила, посмотрела на женщину, она так на меня глаза и не подняла, смотрела всё время в стол.

- Для себя.

- Для себя платье купите лучше или еще что-нибудь.

- Ну, чтобы воспитывать его, любить его, жизнь дать человеку.

- Зачем? Дети и без вас рождаются.

Я растерялась.

- Заведите котенка, оттачивайте на нём свою любовь.

Жестко.

Я молчала. Аглая тоже.

- У вас всё, Стефания?

Так, я не уйду, она знает, она знает что-то, чувствую, не уйду. У меня час оплачен в конце концов!

- Аглая, где я ошибаюсь? Подскажите, пожалуйста, научите.

Женщина улыбнулась, я это почувствовала, считала по телу.

- Стефания, родить «для себя» – это как программа ненависти к мужчинам, ко всем мужчинам.

Я открыла рот в изумлении.

- В ваших словах нет уважения к мужчинам, в них смысл один: я потащу все на себе, не хочу ни на кого опираться, мужчина – лишь донор спермы. Заведу ребенка, потому что могу,

как котенка, буду играть с ним. А ведь ребенок - дитя Божие, на половину лишь от матери, а половину – отец. Вы не в праве лишать его этого только потому, что захотели поиграться.

- Я уже возрастная, потом может быть поздно.

- Для Божественного творения – дитя, нет поздно и нет рано, есть благословение и всё. Для начала научитесь уважать и ценить мужчину своего. Вы живете в браках, соревнуетесь между собой, мужчины ломают женщинам души, женщины ломают мужчинам их дух. Женщины с раненой душой, мужчины со сломленным духом. Исцелитесь сами для начала, Стефания.

- Я не люблю мужа.

- Так вы развелись уже, отпускай его. Зачем столько держала возле себя, коль не люб? У тебя яйца больше, чем у него, не пара вы.

Я опешила, она и про Бога, и про яйца – всё в одну корзину.

- Научите меня, Аглая.

Я верила ей, понимала её, но я какая есть - такая есть, не буду я другой уже, большая я уже девочка.

- Аглая, а как же дети рождаются у алкашей?

- У каждого свой путь, свои родители, свои дети, вам, Стефания, свой пройти надо, я говорю, что вижу.

4

Я посмотрела на часы, пытаюсь остановить время, мне хотелось узнать от неё что-то. Выпытать, она мне нравилась. Уверенная, спокойная, без прикрас. Аглая молчала, смотрела в стол.

- Аглая, у вас ревматический артрит?

- Да.

Опять тишина.

- Почему вы в маске?

- У меня лицо покалечено, выглядит неприглядно. Зачем людей пугать?

Агния не отнекивалась, отвечала просто, казалось, что она высиживает свой час, согласно оплате.

- Снимите, в повязке тяжело говорить, я врач, меня вы не обескуражите.

- Зачем?

Она впервые подняла глаза на меня, и я увидела свои глаза. Такой же редкий насыщенный темно-зеленый цвет глаз с ярко-зелеными вкраплениями.

Мои глаза с редким цветом радужной оболочки - предмет гордости, при встрече с незнакомыми все всегда интересуются, не в линзах ли я.

Мы несколько секунд всматривались в глаза друг друга.

Аглая опустила маску. Я увидела лицо женщины, наверное, моего возраста, хотя трудно оценить возраст, не знаю. Лицо было искалечено ожогом. Я поняла одно: она перенесла самую тяжелую форму термического поражения, потому что не только кожа, но и связки, даже кости были поражены.

Мне захотелось обнять эту женщину. У всех своя жизнь, своя история, и то, что это было не с рождения, я понимала, Аглая перенесла что-то трагическое.

Мы молчали.

- У вас после меня пациенты, гм, клиенты есть?

- Сегодня только вы, по какой-то причине отказались двое.

- Подъезжая к вашей деревне, за 50 км, я купила мед на трассе у женщины, очень вкусный. Хотите?

Она очень внимательно посмотрела на меня, улыбнулась глазами. Похоже и лицевые нервы задеты, мимики практически нет.

- Угощайте.

Я сорвалась с каким-то оголтелым азартом, в машине взяла сумку со всем, что купила. Аглая уже застелила стол белой скатертью, поставила кружки чайные, из кухни слышался шум чайника.

- Это чай травяной, продавщица посоветовала, можно рискнуть заварить его, - я доставала покупки, выставляя на стол.

- Это Мария Павловна, у неё хорошее, у неё всё от души.

- Она необычная, с личным водителем.

- Это не водитель, это Саша.

Аглая вздохнула.

- У них пасека всегда была, муж умер, лет двадцать назад, она одна осталась, молодая еще была, чуть за сорок, дочь замуж вышла, уехала в столицу с мужем. Мария не хотела продавать здесь ничего. А Сашка бедовым рос, мать пила беспробудно, она к себе его и взяла в помощники, на ноги подняла, выучила. Сейчас Сашка – депутат, Александр Боровиков, ей работников нашел, у неё магазин свой дикоросов, поставок много в столичные магазины, а она по старинке любит иногда вот так на трассе поторговать...

Я вспомнила, где я видела этого Сашу - на баннере.

Мы пили чай с медом. Аглая поставила вазочку с хлебом, сняла перчатки, взяла кусочек. Пальцы скручены были артритом, и видно было, что ей тяжело брать предметы. Я ела мед с хлебом, наслаждаясь вкусом:

- Вкусный мед у Марии, очень. Иногда первое впечатление бывает ошибочным, особенно, когда внешние признаки: одежда, обстановка, говорят об одном, а на самом деле - все по-другому.

Аглая отпивала маленькими глотками, с трудом проглатывая пищу, в кружку наливая из чайника маленькими порциями, видно было, что и держать предметы ей тяжело. В очередной раз я сама ей налила.

- Спасибо. Вы правы, Стефания, иногда внешний вид не соответствует внутреннему совсем.

Она закашлялась. Я потянулась к ней, она помахала о ненужности помогать. Мне хотелось сделать ей что-то хорошее, расспросить её, помочь ей.

Она посмотрела на меня, кивнула, будто поняла.

- Мой отец был священником, служил при церкви нашей, носил рясу, как подобает, а в душе был...

Я поняла, она подбирает слова, словно борется с собой.

- В душе был мерзавцем, бил маму, трахал прихожанок, не знало его сердце любви, было черствым.

Моё сердце застучало быстрее.

- Я рассказываю это второй раз за жизнь, видно - это ты, Стефания.

Аглая перешла на ты. Что она имела ввиду, я не поняла, но притихла, ожидая дальнейшего рассказа.

- Я мечтала его убить.

Она подняла на меня глаза, я смотрела на неё в упор, замерев от услышанного.

- Он бил маму по лицу через подушку, чтобы не было видно синяков, а по телу мог ногами. Вера - она не в одежде, не внешне видна, она внутри. Бога в нем не было, хоть он и был облачен в рясу. Однажды, он ударил её сильно, и она упала, встала на четвереньки и поползла ко мне, мне было одиннадцать, мама была беременной. Вот тогда я решила его убить, встала, взяла из шкафа нож и пошла к нему, он сидел за столом, пил водку. Мама захватила меня за ноги, тихо плача, остановила.

В голове моей рисовались картины со слов Аглаи, жуткие, страшные.

- Летом я спала на сеновале, читала допоздна всегда, в доме случился пожар, я пыталась открыть двери, окна, но не могла, дверь словно вжилась в дом, треск дерева от огня, стоны мамы и Серафимы – я это слышу и сейчас. Я не смогла их вытащить, отец погиб, как я хотела, забрав с собой маму и сестру мою.

Аглая говорила это, глядя в одну точку.

- Меня выводили, я тогда не понимала: зачем? Я не могла ходить, даже пить. Мне четырнадцать было. В детский дом меня не взяли, определяли в дом инвалидов, мне помогла Лариса Ивановна. Я осталась жить при церкви, деревенские женщины по очереди меня выхаживали. Я стала отмаливать за маму и сестру, молилась за них, за тех, кто уже не может сам, отмаливала и отца, прося и у него прощения, а в шестнадцать лет стала видеть причины недугов у людей. Вот у тебя, Стефания, блок стоит, ты хочешь детей, потому что так положено, в тебе есть потребность любить, но и не хочешь от того, с кем живешь. У тебя будут дети, только надо излечиться от гордыни. Ты львица, а живешь с кроликом. Тебе нужен лев. А кролик найдет себе крольчиху и будет счастлив. Дети у тебя будут из-за большой любви, настоящей, а это когда уважение есть, принятие и доверие.

Я сидела как прибитая к стулу.

- Аглая, у тебя артрит, я могу врачей хороших привлечь.

Я тоже перешла на ты.

- Я на сильных препаратах уже и так, стала на лекарства зарабатывать вот этими приемами, подруга посоветовала.

- Это которая про пиздострадалицу сказала.

- Она. Мы со школы дружим, она не бросила меня, её мама, Лариса Ивановна, опекунство оформила тогда, чтобы меня в дом инвалидов не забрали.

Мы замолчали, мне после всего услышанного стало даже стыдно, у меня есть все: внешность, работа, достаток, у меня есть здоровье, в конце концов я могу взять ребенка, любого отказника, таких вот полно.

Аглая глянула на меня.

- Было у меня видение, что рассказать я должна той, кто в себе совмещать будет силу, доброту и красоту внутреннюю.

- Это я?

- Мне немного на Земле осталось, я пожила тут, сделала своё, помогла многим. Хочешь исцелиться?

- Да.

- Но ты исцелишься, исцеляя другого.

- Хорошо.

- Это может быть другой мир.

- Не поняла. Другая страна?

- Нет. Мир.

- Я умру?

- Нет. Ты попадешь туда, где нужна твоя сила.

- Я гинеколог, Аглая.

Аглая молчала. Я тоже притихла.

5

Аглая смотрела опять в стол, привычка, видимо, уже выработанная годами.

А я буду жить так же: работа любимая, годы, что идут быстрее и быстрее, нет: лучше испытать, чем избежать. Я хочу попробовать!

- Стефания, я устала, если надумаешь, приезжай послезавтра к 19.00 на службу, там и продолжим.

Я кивнула, как раз смена с утра, отпрошусь на час, успею доехать, встала и пошла на выход.

- Мед!

- Я приеду, Аглая, даже если не надумаю, на службу хочу, мед и заберу, а ты угощайся.

Аглая кивнула.

Я ехала домой, вспоминая успокаивающую речь женщины, за плечами которой была такая непростая жизнь. В душе было тихо, спокойно. Марии уже не было, конечно. Не заметив четырех часов в дороге, уже поздним вечером, я остановилась у круглосуточного цветочного магазина. Я так давно не видела цветов дома, от благодарных пациентов букеты оставляла на работе или отдавала санитарочкам.

- Здравствуйте! – произнесла, заходя в цветочный рай.

Я оглядела цветы, остановилась на розовых розах.

- Девушка, мне розовые розы.

- Сколько и для кого вам?

- Давайте одиннадцать. Я себе.

- Покупаете сами себе?

- Да.

В магазин зашел мужчина, мне показалось, что стало места мало, он заполнил собой всё маленькое помещение. Своей мужской аурой. Мы с продавщицей уставились на него: высокий крепкий брюнет, скулы покрыты легкой небритостью, карие глаза, в джинсах и кожаной косухе, на руках дорожные часы заметила. Он посмотрел на девушку, на меня, задержав взгляд на моих глазах. Всё, как обычно. Я отвернулась к цветам.

Продавщица начала кокетничать, да так явно, что мне стало неловко.

- Что вы хотели? Для кого? Какие? Есть предпочтения? – мурлыкала девица.

- Я подожду, обслужите девушку.

Я чувствовала взгляд мужчины на себе, а ещё я чувствовала, что реагирую на этот взгляд. Да чтоб его, это потому, что секса нормального не было давно. Нормального – это, когда я хочу, последние годы я предоставляла тело и всё, и то, чтобы забеременеть.

- Конечно! Для кого вам цветы, напомните?

Вот сучка! И зачем ей захотелось меня уязвить?

- Я! Себе! Покупаю! Цветы! Будьте любезны уже!

Она достала мне розы, я оплатила, быстрее ретируясь из магазина. Открыла заднюю дверь, положила красоту, закрыла, развернулась и уткнулась в грудь этого мужика.

Он руками уперся в мою машину по обеим сторонам от лица, навис надо мной.

- Глаза красивые!

Я услышала его легкий вкусный парфюм.

- Линзы!

- Врешь!

- Мне пора, прощайте!

- Ну, нет, зеленоглазка, я только нашел тебя.

- Руки уберите от машины.

Он засмеялся, показывая свои ровные белые зубы. Я на это обратила внимание, потому что недавно отдала приличную сумму за услуги стоматолога.

- Девушка, давайте телефонами обменяемся, и я вас преследовать не буду. Сегодня.

Ему было на вид лет 38-40, как мне, за девушку, конечно, спасибо.

- Я замужем.

- Такого мужа, у которого жена сама себе цветы покупает, я даже не рассматриваю, как проблему.

- Вы не отвяжетесь?

- Нет.

Я нагнулась под его рукой, открыла дверь, взяла сумку, достала визитку.

Он внимательно прочитал, посмотрел на меня как-то по-другому.

- Я завтра заеду за тобой на работу, ты до сколько?

Что ему от меня понадобилось? Ему молодых, наверное, надо, хотя, я тоже красивая, в зал хожу два раза в неделю.

- Завтра я до восьми вечера.

- Я буду, Стефания.

Я села в машину, понимая, что я радуюсь, как школьница. А что? Рискну, вдруг мужик нормальный!

Дома Павел играл в свои шахматы, в раковине была грязная посуда.

- Я доиграю партию и вымою, - крикнул мне мой уже бывший муж, чувствуя спиной моё раздражение, наверное.

Мне стало жаль нас. Три года я терпела его обзывательства, три года он терпел меня, да. Мы, действительно, разные, и как сразу это не поняли, всё же было изначально ясно. Да, я критиковала его, не словами, но своим поведением, приводила вечно примеры из жизни, вдохновляя, как мне казалось, на жизнь, а может ему и надо было засесть в берлоге, побыть с собой, он же толковый строитель, умный, верный. Он же говорил мне, что хочет уехать в лес, на заимку и пожить там год, с собой звал. Может, для какой-то это и есть настоящее женское счастье? Я же не пошла за ним, как декабристка, да.

Я подошла к Паше и обняла его со спины. Он резко выпустил мышку, хотя играл партию-блиц, где каждая секунда на счету, напрягся, замер.

- Паш, прости меня. Прости. Я была худшей женой.

Он сидел столбом, не двигаясь, я слышала его сердце, чувствуя легкое алкогольное амбре, уткнулась зачем-то в его макушку, втянула запах, поцеловала и пошла.

Надо заняться разменом квартиры. Я приняла душ, поставила розы в спальне, легла.

Вспомнила слова Аглаи: «Если ради кого-то мы меняемся сами – мы совершаем подвиг, если же ради себя меняем другого человека – совершаем преступление». Я мысленно еще раз попросила прощения у мужа, бывшего мужа. Слышала, как он помыл посуду, слышала воду в ванной, как он лег в зале. Павел встретит ту, которая ему подойдет, однозначно, мягкую, кроткую, милую. Дай, Бог, ему хорошую жену. Вздохнула. Я, какая есть, что ж.

Я ждала незнакомца. Отработала смену, сегодня родились две девочки и один мальчик, приняла душ, надела плащ, лодочки на каблук, подкрасила губы блеском, распустила волосы и пошла. Я предвкушала.

Недалеко от крыльца стоял он. Другой. Вчера он был в более свободной одежде, как и я, собственно, а сегодня - в черных классических брюках, белой рубашке и легком полупальто нараспашку. Хорош! Побрился. Пошел навстречу, сердце моё стало биться учащённо и громче.

- Привет, Стеша.

- Привет.

- Владислав. Влад. Я заказал столик в ресторане, выбрал на свой вкус заведение, поужинаем?

- Да.

Он улыбнулся, мы пошли до его машины, открыл мне дверь, я села. В салоне было чисто, на заднем сидении лежала охапка розовых роз, благоухая.

Я надела сегодня черное трикотажное платье, оно было простое, но мне очень шло, подчеркивало фигуру, грудь, талию и бедра, светлые волосы и черное приталенное платье – беспрюганный вариант (мне так хотелось).

Мы сели за столик в углу зала, заказали блюда.

- Ты очень красивая, Стеша, и ты будешь моей женой.

Спокойно и, просто констатируя, произнес Влад.

Я не ожидала от себя такой реакции, наверное, переволновалась, еще чувство вины за нас с Павлом проскакивало у меня периодически, или еще что-нибудь спровоцировало: дорогой ресторан, розы, мужик этот богатый и красивый, я начала смеяться, закрывала рот и давилась от смеха. Он сначала улыбался, потом с серьезным выражением лица ожидал окончания моего припадка.

- Извини, Влад, за реакцию, не хотела обидеть, просто... даже подобрать не могу слов.

- Понимаю, повторю попозже.

- Ты не знаешь меня, я – тебя. Давай поужинаем для начала.

Я залпом осушила стакан воды, принялась за рыбу с овощами.

- Стеша, ты замужем?

- Развожусь.

- Хорошо, дети есть?

Я была даже рада, что он начал так, мне тоже хотелось у него много чего узнать сразу «на берегу».

- Нет.

- Хочешь?

- Да.

Он улыбнулся.

- А ты женат?

Он так посмотрел, что я поняла - женат. Сука!!!!

- Стеша, ты веришь в судьбу?

- Верю.

- И я. Я искал тебя всю жизнь, ты мне снилась.

- Влад, ты женат?

- Пока да. Стеша, мне надо решить дела с сыном, ему двадцать два, плохая компания, я должен быть рядом, не делать опрометчивых действий, не усугублять. С женой у нас всё печально, мы не любим друг друга.

- Влад, давай ты всё решишь в семье, тогда и поговорим.

Он смотрел на меня как-то жадно, рассматривая всю: лицо, грудь, руки. Я почувствовала себя желанной, вся моя жизнь – это работа в женском коллективе, не считая анестезиолога Быкова и гинеколога Ткачёва, семейные оба давно, ну и Павел, который на меня и внимания не обращал уже.

- Лет с двадцати мне снишься ты. Девушка с такими волосами, такими глазами, губами, даже говоришь так же. Хочешь – верь, хочешь – нет, но это так. Мы можем встречаться?

- Встречаться, это что, Влад? Ужин? Прогулки? Секс?

- Всё это.

- Нет.

- А что из этого списка – да?

- Влад, с женатыми мужчинами я не встречаюсь никак.

Он закивал головой. Мы еще о чем-то поговорили нейтральном, я что-то спросила о работе, он что-то ответил. Я тонула в вязком противном разочаровании. Влад меня довез, я взяла розы, принесла домой, на что от Павла услышала слова: типа постель еще не остыла, а я уже, шлюха конченная, трахаюсь налево и направо.

На следующий день я поехала в Кистенёвку.

6

Аглая встретила меня без маски.

- Стеша, платок есть?

- Да.

Я специально надела платье ниже колен, достала из сумки платок, повязала на голову, и мы пошли в сельскую церковь.

Прихожане неспешно заходили в храм, зажигали свечи, скромно крестились на образа. Батюшка мягко, не слишком громко начал службу. Тихий и убаюкивающий голос заполнял пространство и наполнял меня, я расслабилась. Непроизвольно у меня потекли слезы, я вспоминала родных, свои поступки, за которые мне было стыдно. Мысленно я просила у всех прощения. Служба закончилась. Люди подходили, целовали руку батюшке, я тоже. Мне было хорошо, блаженно, захотелось это чувство сохранить в себе навсегда и унести его в мир.

Мы молча пришли опять в дом к Аглае.

- Аглая, я хочу исцелиться, исцеляя другого, я хочу попробовать.

- Стеша, я не знаю, куда ты попадешь, знаю лишь одно, там ты обретишь то, что хочешь.

- Ребенка?

- Что хочешь, то и найдешь. У меня видения, где меня просят найти ведьму для исцеления, якобы только на Земле они и остались, я уже думала не раз, что в этом моя миссия и есть. Это ты, я это знаю и всё. Я выучила слова уже давно для переноса, слыша их еженощно, ты согласна?

- А что родители мои, работа, Павел?

- Отцу скажу, что ты уехала далеко, он поверит, у остальных забот – полон рот.

Я кивнула, достала телефон.

- Я позвоню отцу сама, пока не передумала.

Я вышла на улицу, посмотрела на окрестности села, привычные моему взору из детства деревянные дома, кирпичные, у ворот многих домов стоят недешевые авто. Поселок ухоженный.

- Стеша!

- Пап, привет! Пап, я хочу уехать из России, мы с Павлом развелись, хочу вот новую жизнь начать, детей хочу, родить не могу, не получается, дай Бог там всё получится. Хочу попробовать. Благослови меня.

Я не ожидала, что выпалю всё папе, как на духу, да и еще последнее слово, словно само вырвалось.

Тишина в трубке.

- Стеша. Я это имя тебе дал. Бабушку мою так звали, зеленоглазую, она мужа своего на плечах вынесла, в яме он лежал с другими убитыми и ранеными. Колчак тогда по Сибири хаживал. Не побоялась, ночью, в мороз, выискивая среди замерших трупов, а нельзя было к яме и подходить близко, выходила его, ни рубца от обморожения не осталось. Отец мой родился у них потом. В деревне после этого все её ведьмой называли, любя. А она говорила, что это любовь всё, что сила любви даже с того света вернуть может. Вот... Вокруг бабы Стефании мы всегда в любви были, дочка. Они с дедом Митей в один день ушли, пошли на реку, сели на бережок, ноги опустили в воду, взялись за руки, так заостенелыми их и нашли. Пришлось кости ломать, чтобы в гроб положить. Она смелая была, красивая, ты в неё, дочка. Я благословляю тебя, милая!

Я не видела ничего, слезы лились ручьем, стекая по подбородку, старалась не хлюпать в трубку.

- Спасибо, пап.

- Фотку пришли мне, Стеш, внучки моей.

Я убрала телефон к груди не в силах справиться со слезами. Душу рвут слова, теплом падают, сил нет удержать слезы.

- Пришлю. Люблю тебя, пап. Маме скажешь сам.

- Скажу! Не бойся ничего, Стеша, ты у меня самая лучшая получилась, нельзя так, конечно, Бог простит, лучшая и есть.

Я выдыхала шумно, стараясь привести себя в порядок, вбирая воздух полной грудью, промокнула слезы платком.

Может тут остаться, папка будет плакать, хотя мы с ним видимся редко, у него хозяйство, внуков полон дом, так же и буду раз в год приезжать.

Я зашла в дом к Аглае, села за стол.

- Павел твой скоро женится. Как на работу выйдет, так его в теплые рученьки и возьмут.

Я горько усмехнулась.

- Сколько тебе лет, Аглая?

- Сорок три. Стеша, я соединю тебя с духом, он все расскажет тебе, отказаться еще можно.

- Давай, я согласна.

Я не знала, во что я ввязываюсь, но всё моё нутро меня направляло довериться.

- Закрой глаза.

Аглая начала тихо произносить слова, что-то плавное, тягучее, словно пела, я уплывала в сон, в голове стал отчетливо звучать голос:

«Что бы не происходило с мирами, хоть одна ведьма да останется. Ну, здравствуй, ведьма, мы тебя ждали. Глаз своих не показывай, откроешься лишь тому, кому доверишься, носи на плечах горб, чтобы тебя не распознали. Исцели Белогора, исцелишься сама. Сказать что хочешь?»

- Да. Аглае помогите, пожалуйста.

- Да, как без неё-то, ведьму эту заберем, ей еще доделать на Земле кой-чего надо. Все? За себя не просишь?

- Я горбатая буду?

Голос засмеялся.

- Ты ведьма, самая красивая ты будешь!»

В голове темнота, в мыслях пустота, чувствую, на меня накидку с капюшоном одевает кто-то, я под тяжестью сгибаю плечи, сильно сутулясь, чувствуя на спине огромный увесистый груз, как камень, на лицо эти же руки цепляют маску, и я слышу голоса.

7

Приоткрыла глаза, помня отчетливо, что смотреть ни на кого нельзя. Страшно. Непонятно. Назад пути нет.

«Папочка, охраняй меня».

Я сидела на полу, на согнутых ногах, камень на спине давил, тяжело, на мне черное шерстяное одеяние длинное, церковное будто. Я еле пошевелила пальцами, трогая материал, грубое сукно, на лице у меня, как у Аглаи, тканевая маска, длинная, которая закрывает глухо лицо, лишь глаза открыты. Голова покрыта платком и ещё капюшоном в придачу. Жесть.

Рядом люди ходят, обувь вижу зимнюю, сапоги меховые, прислушиваюсь, жду. Я одна на полу почему-то, скамью вижу, на ней сидят несколько человек.

- Десятый год зима в Осии, тридцать - у Белогора недуг, запасы зерна закончились, у орков покупаем – отродясь такого не было, уповать лишь на чудо осталось. Целителей со всех земель уже привозили, благо Сурия не мерзнет, даже эльфы были, не знают причины. Проклят, говорят, наш Белогор.

- Верить надо, верить, Миро. Пока дети рождаются – значит, есть еще надежда. Это Мариша приказала всех пускать, чтобы каждый попробовал своё дело лекарское, за такое-то вознаграждение большое. Золотом платить Белогор будет.

- Мариша сама еле живая, тоже с ногами что-то.

- Дык ей лет-то, поди уже восемь сотен.

Я чуть на говоривших взгляд не подняла, когда услышала про восемьсот лет.

- Миро, кто ещё есть? - послышался голос возрастной женщины.

- Эй, - меня толкнули в плечо. – Ты видишь хоть? Пойдешь к владыке?

- Да.

Я стала подниматься. Согнулась в «три рубля», по-другому не получалось, груз на спине пригибал.

- Пошли, увечная, ну, пошли, видишь сама-то?

- Немного, идти могу.

- Голос молодой! Девчонка что ль?

- Девушка.

Сопровождающий вздохнул как-то протяжно-жалобно, шагая рядом со мной. Я видела полы его одежды, кафтан из плотной ткани, штаны, заправленные в сапоги с опушкой, пол перед взором моим был деревянный, ровный. Мы шли и шли. Горб был как валун, давил.

- Белогор, примешь еще одну? - мужчина отворил дверь, спрашивая.

С владыкой этим говорил он на ты, но чувствовалось уважение, забота даже, отеческое что-то.

Меня подтолкнули в комнату.

Мне надо было видеть, я руками подняла повязку на лоб, посмотрела сквозь неё – вижу.

Меня привели в спальню. Огромная кровать аккуратно застелена, в помещении светло, потолки высокие, на полу пушистый ковер белоснежный, в кресле у кровати сидел мужчина, лет сорока. Посмотрела, отмечая: темно-русые волосы, аккуратная небольшая борода, в простой рубахе-косоворотке, простых штанах, босые ноги уверенно стояли на полу. Он был здоров внешне. Как русский богатырь Добрыня, у меня такие ассоциации стали всплывать.

- Зачем лицо покрыла? – голос низкий, властный.

- Лицо поражено, от пожара, нет его совсем, стыдно мне.

- Ммм, сколько тебе, дитя?

Вот сколько мне? Скажу тридцать восемь, как есть – дитя, блин, не, не буду.

- Двадцать.

- Не бойся, пробуй, может, ты, что увидишь, болезная, - сказал безнадежным голосом здоровяк и махнул рукой проводившему меня, чтобы тот вышел.

Я подошла, семеня, села у его ног, взялась за щиколотки. Всё это проделывала по наитию. В руках почувствовала силу. Я вижу! Я! вижу!!!! Чернь в нем, недуг гуляет, заполоняет всего, с ног ползет. Он сильный, борется. Так, мне надо найти причину, а пока надо ослабить боль ему в ногах.

- Вы ходить можете?

- Могу, с трудом, но с каждым днем все больше.

Он уставился на меня.

- Ложитесь на пол, до кровати я не достану, рубаху приподнимите, приспустите штаны, поясница мне нужна ваша.

Я говорила, как врач, спокойно, по делу, четко.

Он выпрямил спину, уставился исподлобья своими серыми глазами.

«А красивый этот Белогор, крепкий».

А потом как заржет, сотрясая стены.

«Придурок! Напугал!»

Но я тоже улыбнулась почему-то.

- Болезная, а деловая. Смелая что ли?

- Мне уже бояться нечего, владыка, отбоялась.

Он притих резко, я подняла лицо, он смотрел, да так, словно на мне не было тряпки, в душу.

- А зачем пришла? Вознаграждение хочешь?

- Хочу.

Он засмеялся.

- Честная. Не смеялся я давно, однако. А зачем тебе золото?

- Открою лечебницу, буду больных исцелять.

Он снова уставился. Потом руками ухватился за ручки деревянного кресла. Руки сильные, жилистые, поднялся, отжимаясь на руках, тихо простонал, медленно ступая, опустился на ковер на колени, лег животом.

Я сама уже ему задрала рубаху, приспустила штаны, закатала брючины до середины икр, взялась за ступни и почувствовала боль его. Как он терпит? Боль при ходьбе была адской, словно в кожу были вшиты конские волосы, и они стреляли всегда мучительно остро в тело. Я закрыла глаза. Во мне есть сила. Я же ведьма. Я улыбнулась себе, положила руки на ступни огромные и начала вбирать в себя боль, отправляя её в камень на спине, чувствуя, что он тяжелеет. Выдохнула, спина болела уже. Белогор протяжно простонал, видно легче ему. Я опустила руки на поясницу ему, проделывая обычные массажные техники: разминая, поглаживая, растирая, успокаивая мышцы, что тоже сильно болели.

- Кто ты?

Он повернул голову.

- Меня Стешей зовут.

- Как?

- Стеша.

- Откуда ты? Ты единственная боль смогла мою унять.

- Я издалека. Ну, да, могу, умею, практикую, лечу.

Он резко опять крутанул головой на мои слова, пытаясь повернуться.

- Лежать!

Приложила горячие ладони к пояснице.

Мне стало смешно, я говорила с ним, как со своими мамочками - иногда они так! чудили при сватках.

«Мальчик мой, ты в моих руках, однако! Вла-ды-ка!»

Я себя не узнавала. Во мне бушевала какая-то дерзость, кураж. А мне нравится, я чувствовала себя хорошо. Нет - превосходно! Еще бы валун со спины убрать!

Белогор уткнулся носом в ковер и засмеялся, спина могучая ходуном заходила, плечи тоже крупно сотрясались.

- А ты дерзкая девчонка! Блезная, а смелая!

- Я умею лечить, и лишь я вам смогу помочь. Я знаю это.

Я убрала руки.

- Завтра снова так же сделаю. Мне надо причину понять вашего недуга, пока не могу, но смогу.

- Спасибо, Стеша. Погладь еще. Я не обижу, дам в разы больше, если поймешь, что за хворь во мне. Десять лет уж не могу нормально ступать.

Я положила руки снова на поясницу. Закрывает глаза и стала напевать песню:

Где красота — там доброта,

Их разлучить ничто не может;

Любая светлая мечта На двух подруг всегда похожа.

И нам без них не обойтись

Ни светлым днём, ни днём дождливым.

И, если хочешь быть красивым,

Ты добротою поделись, Ты добротою поделись.

Белогор напрягся. Слушает. Я улыбнулась.

Я откуда-то знаю слова этой песни, хорошие слова, правильные, добрые.

Под моими руками уснул владыка. Здоровяк спал. Я знала, что боль его мучила, что не спал он нормально до этого давно. Губы Белогора смешно оттопырились, лицо наполовину утопало в ворсинках ковра, тело размякло, я погладила его по голове. Он вздохнул.

Я села рядом по-турецки, камень давил, подвинулась к креслу, упираясь в ножки спиной – легче. Стала ждать, осматривая помещение.

8

Мне хотелось раздеться, снять с плеч груз. Комната была просторной, ничего лишнего, если это спальня этого владыки, то он холостяк, женского не заметила. Посмотрела еще раз на него – красивый мужик, крепкий, мощный, спину богатырская, ступни большие, жилистый!

В комнату заглянул пожилой мужчина, тот, который меня сопровождал, я узнала по полам кафтана.

Он подбежал к Белогору.

- Ты что сделала, брыдлая дурка?

«Сам ты брыдлый дурак».

- Спит он, легче ему стало, уснул. Проснется – спросите сами.

- Варай, сюда! Живо! – заорал старик.

В спальню заглянули с опаской два молодца. Молодые парни в сером одеянии, воины, похоже.

- В темницу её.

- Что? Я ему ноги лечила, спит ваш владыка.

- Он и твой владыка, или ты от кого будешь? Лицо покажь?

Я опустила лицо.

- Болезная я, нельзя смотреть.

- В темницу! Маришу сюда! Живо!

Старик тряс Белогору за плечи и руку, во сне тот что-то лепетал. Видно же, что спит.

Меня под руки схватили два молодца и потащили, грубо, не жалея, выполняют приказ - понятно. Я поджала ноги, висела и размышляла: «Вот ведь проснется владыка ваш и даст вам люлей».

Знала прям, что так будет и радовалась, нет, злорадствовала. Эх, Стеша, Стеша, где твоя доброта?

Один меня пихнул в бок при ходьбе, больно.

Доброта к добрым, вот.

Меня тащили по темной лестнице вниз, с каждым шагом было холоднее и темнее. В темном сыром холодном подвале один меня взял за шею и прижал рукой к стене, чтобы не упала, второй открыл низкую деревянную дверь и меня втолкнули внутрь, я упала наземь. Дверь закрыли, ушли, я встала, огляделась. Маленькое помещение, на стене у потолка крохотное оконце с решёткой, чтобы видеть хоть что-то. Миска на полу, застывшая вода в ней, значит, здесь минусовая температура. На стенах я разглядела широкие глубокие полосы от когтей - жуть, в углу солома скомкана.

Я стянула повязку до подбородка, стала развязывать плащ свой шерстяной горбатый, сняла, расправила плечи, потянулась. Хорошо-то как! Всё познается в сравнении. Пощупала горб, он был словно одно целое с мантией, твердый на ощупь, как кость, правдоподобно очень, я, наверно, и правда кажусь с сильно деформированным позвоночником, горбатой, одним словом. Я стала выхаживать туда-сюда, шевеля плечами, чувствуя, что без накидки холодно, без капюшона тоже. Стала тереть уши, потрогала волосы, перекинула из-за спины косу, длиннее моих прежних, но цвет вроде тот же.

Я встала посередине камеры, шевеля пальцами, растирая ладони, закрыла глаза, собираясь снова нацепить этот чудо-плащ. Мне показался образ Влада, отчетливо очень, он смотрел на меня, качая головой в разные стороны, произнося: «Сбежала! Найду, Зеленоглазка! Выпорю!»

Я открыла глаза широко. Ни папа, ни мама, ни Павел мне с Земли привет передали, ни подружки по бане, а Владислав, которого я видела два раза в жизни. Я выдохнула шумно,

сгибаясь за балахоном, и тут услышала шаги, быстро нацепила свое одеяние, завязывая у горла мантию, снова ощущая валун тяжелый, чувствуя, что еще чуть-чуть здесь побуду, и я окоченею.

В двери открылось окно, и в него заглянула чья-то физиономия, было плохо видно.

- Эй, болезная, пить принести?

Юношеский голос.

Я подняла лицо, пытаюсь углядеть говорившего, он отпрянул со вздохом. Ну, представляю, в сырой темнице горбатая в черной одежде и с закрытым лицом особь, отшатнёшься тут.

- Не бойся, лицо закрыто, потому что неприглядное. Принеси, да, пожалуйста.

- У тебя голос красивый, болезная. Зачем Белогора усыпила?

- Как зовут тебя, красавчик?

Он расплылся в улыбке.

- Рубиль.

- Рубиль, я зла не желала Белогору, это ошибка, думаю, скоро за мной придут.

- Ой, не знаю, в эту камеру смертников сажают.

«А если владыка их дрыхнуть будет до морковкина заговенья? Спела песенку Стеша».

- Рубль, - я специально так обратилась.

Вот чего прикалываюсь, жизнь моя, можно сказать на волоске висит, хотя в душе я была уверена, что только все начинается, во мне сила какая-то вселилась весёлая, ох, веселая.

- Рубиль, болезная.

- Рубиль, а что, правду говорят, что Белогор тридцать лет хворает?

- Нет, он тридцать лет без зверя, а на ноги ступать нормально перестал почти десять лет уже как. Так это все знают, откуда ты?

- Издалека. Без какого зверя, Рубиль?

- Мой отец его медведя видел, Белогор по лесу ходил медведем, могучий он, единственный. Все же волки кругом, а ты кто?

«Так, оборотни что ли они, или метафора такая, медведь – сильный самый? Так-так».

- Я птица, Рубиль.

- Не бывает двуликих птиц, лгунья ты, болезная.

- Я пошутила, Рубиль, прости, перед смертью захотелось пошутить. А у тебя девушка есть, Рубиль, ты такой красивый?

- А! Неет пока, женщин мало в землях, вот золото накоплю, может и возьмут меня в семью, а так мечтаю, да.

- Холодно очень.

- Так зима беспробудная уже десятый год, не закончится никак, как на Белогора недуг напал, так и солнце к нам не заходит. Откуда ты? Не ведаешь ничего.

Рубиль ушел. Я села на солому ждать, носить горб тяжело. Ног и рук уже не чувствовала, еще и груз на спине с каждой секундой давил всё тяжелее и тяжелее. Глаза смыкались, я старалась не засыпать. Придатки отморожу тут, так, считать надо вроде, раз, два... Дверь отворилась, меня подняли на руки, прижали к чему-то теплему, родному. Хорошoooo!

- Белогор сам идет! Да быстро так! Смотри!

- Это она ему помогла! Он сам несёт её.

- Болезная – целитель!

Я слышала голоса, приложив голову к груди Белогора, старалась не спать, пыталась шевелить пальцами, они были, как ледышки

- Стеша! Стеша! Ванную теплую! Маришу сюда! Где она? Живее!

Суровый голос у него, властный мужик. Тепло, хорошо, ноги и руки стали отходить, остро покалывали миллионами иголок, кто-то растирал мне ступни. Я разлепила глаза, сквозь темную сетку ткани увидела Белогора, он тер мои ступни, хорошо, что колготы не снял.

- Маленькая такая, смелая, чуть не заморозили колоброды.

- Давай, я сама дальше, помою её, - старушка вклинилась.

- Не надо, все хорошо уже, я сама. Где моя комната?

Белогор поднял глаза на меня, пытаясь что-то усмотреть, замер на секунду.

- С моими покоями будет рядом, приготовить ей парную.

Мариша и старик, который меня приказал утащить в подвал, переглянулись.

- Хорошо, это правильно, да, да, - говорила под нос Мариша, удаляясь выполнять поручение.

Мы остались одни, снова тот же ковер, кровать, я сижу в кресле владыки.

- Говори, что надо, Стеша?

- Мне надо отдохнуть, дорога тяжелая была. Я чуть не околела в подвале от вашего гостеприимства, владыка Белогор. Вылечить бы скорее вас, да свалить отсюда побыстрее.

Он положил свои лапищи мне на колени, уткнулся в них, и затряс плечами, смеясь.

- Вылечи, смелая, я тебе дворец построю, лучшая лечебница будет во всех землях.

Он поднялся, укутал меня шкурой пушистой, вторую взял с кровати и на ноги мне положил.

- Спасибо, я так давно не ходил.

- Это временно, боль снова настигнет, скоро, причину не устранили, буду думать, смотреть, вылечу.

Он снова на меня уставился, потом развернулся и вышел, уверенно ступая по полу.

9

Я согревалась, сидя в кресле Белогора, под тяжелыми теплыми мехами, хотелось снять с лица повязку, чесались нос и щеки. Я вытащила руки, почесала поверх ткани. Посмотрела на свои пальцы внимательнее. Руки молодой девушки, ногти розовые аккуратные, кожа упругая, я-то помню свои: суховатые, с венками, тонкой кожей. Иной раз в хирургических перчатках по несколько часов на работе приходилось быть, оперируя, кожа размягчалась из-за недостатка вентиляции так, что приобретала «эффект прачки», а потом стягивалась из-за сухости, не всегда успевала кремом помазать.

Я убрала руки под шкуры, сидела, разомлевшись в тепле, прокручивая в голове информацию.

Я ведьма. Знаю о них лишь то, что их сжигали в эпоху инквизиции по доносам, они красивые, обладали каким-то даром: либо портить что-то, либо исцелять; летали на метле - все с какой-то сумасшедшинкой, себе на уме. Всё моё познание на этом и заканчивалось. Но то, что я вижу болезнь у Белогора – это факт, так же чувствую его боль, а еще боль могу забирать через руки, надо скидывать её научиться, а не на спину себе взваливать.

Мне здесь не страшно, не, не так: мне вообще не страшно! – тоже факт, я чувствую словно власть, могущество, преимущество, мне это нравится, вселяет уверенность в себя и в сбычу мечты.

Ведьмы не сомневаются! - Откуда это в моих мыслях?

В комнату вошел владыка. На нём был серый кафтан, синие штаны, заправленные в сапоги, под кафтаном серая льняная рубаша. Могуч! Высокий мужик! Владыка! Видно было, что он рад: еще бы - ноги не болели. К вечеру хворь начнется снова – это тоже чувствую, знаю.

- Стеша, парная готова, за стеной твои покои, Мариша может помочь.

- Я сама, спасибо.

Я отодвинула шкуры, Белогор помог мне слезть с высокого кресла.

- Белогор! Уже вся Осия шумит, что целитель нашелся, что ты на руках её носишь.

«Ну, вот и дама сердца! Никто и не сомневался, что у владыки есть любовница. Что она не жена, я была убеждена почему-то».

- Гарма, не сейчас, иди, я сам приду.

Она не послушалась, подошла ко мне.

- Лицо покажи, болезная, может ты красавица с чужих земель, может ты Белогора увезти хочешь?

«Ой, блядь, хуже ревнивых баб, по-моему, никого противней нет в мире».

- Мне с ваших земель никто не нужен, будьте уверены, вылечу вашего владыку за вознаграждение и исчезну.

Белогор брови свел, не понравилось ему что-то. Не уж-то не хочет, чтобы я уезжала?

- Покажи, а то силой сдерну, чувствую, что лукавишь ты, болезная, вон голосок какой звонкий.

«Вот привязалась. Не отвяжется же ревнивая баба, точно же при случае сдёрнет».

- Мне стыдно, искалечено оно, - я прошептала.

- Гарма, иди! – прогремел Белогор.

- Пусть покажет, что мы не видали калик юродивых, волков безногих – всё видали.

Белогор зарычал.

«Так! Мужик рычит. Аглая, помоги! Аглая, помоги! Пусть она увидит твое лицо на миг».

Я отвернулась от Белогора, вставая к нему спиной, точнее горбом своим. Подошла прямо к Гарме этой и резко сдернула тряпку с лица, представляя лицо Аглаи, закрыв глаза, секунда, две, три и подняла наверх.

На миг подняла взор, прищулив глаза, увидела её зрачки расширение, а лицо выражало и облегчение, что я уродлива, и злорадство, и страх от увиденного. Она открыла рот.

«Спасибо, Аглая, спасибо, подруга!»

Белогор отодвинул пухлую Гарму в сторону рукой, навис над ней:

- Уходи!

Она подобрала юбки и пошла на выход, виляя задом.

- Прикажу ей, чтобы молчала, Стеша.

- Я хочу отдохнуть уже. Всё нормально, привыкла я.

Он вздохнул тяжело, словно понимая всё. Меня проводил в соседнюю комнату, намного меньше, но уютнее. В центре кровать была двухспальная, комод, освещения много, по всем стенам горели навряде керосиновых ламп, под стеклом фитильки. Уютно. Очень даже, а главное – тепло.

- За дверью умывальня и уборная. Одежда, какая нужна, говори, ты здесь гостья, почетная гостья. Через час принесут ужин.

- Спасибо, Белогор.

- Тебе спасибо.

Владыка ушел.

Я рванула, как могла с камнем на плечах, в ванную, закрылась на засов, сняла с себя всю одежду и наконец-то встала под воду. Пол и стены в умывальне были из камня, из стены по крану шла теплая вода. Я потрогала степы – теплые, будто батареи встроены, распустила волосы, проверила, понюхав содержимое бутылочек, намылась всем, чем можно, укуталась в полотенце большое тонкое тканевое, как простыня, подошла к зеркалу, встроенному в комод.

Я ведьма! Я красивая ведьма. Зеленые глаза обрели еще более выразительный влажный оттенок, волосы мои светлые стали гуще и длиннее, провела руками по предплечьям, животу – кожа как бархат, талия узкая, бедра женственные широкие упругие крепкие. Я мечтала о такой фигуре, делая силовые регулярно, попа – орехом, грудь моя, налитая, стоит холмами. А ресницы-то, черные, густые, зубы белые, волосы мои пшеничные, даже светлее стали. Я чувствовала эйфорию! Женский восторг! Я себе нравилась, нет, я была от себя в упоении, в радости.

Ладно, Стеша, не родись красивой, как говорится, и да, «с лица воду не пить» - настоящая красота заключается в поступках.

- Аглая, - я почему-то, уставившись в зеркало, обратилась к ней, глядя на себя, - давай сюда тоже, а? Я тебя вылечу.

Я вспомнила её лицо отчетливо, потом подошла к окну, отодвинула плотную штору и обалдела. Кругом белым-бело! Снег толстым ковром устилал крыши небольших домов, что были около дома Белогора, вдали виднелся лес. Тяжелыми шапками белого снега были покрыты темно-зеленые ветви высоких и маленьких елей, деревья словно спали сказочным сном.

У дома владыки кипела жизнь. Я рассматривала людей: в основном мужчины сновали деловито. Все были одеты в зимнюю одежду: кафтаны теплые, меховые шапки, сапоги, кое у кого варежки. Всех, кого я успела увидеть, были черноволосыми, Белогор был лишь темно-русый. Гарма была полной брюнеткой, в красивом платье красного цвета, расшитым золотыми и голубыми нитями, Мариша тоже в прошлом черноволосая, Рубиль, парни -воины, сопровождающий. Интересно.

Услышав шаги, я юркнула в ванную, там остались мои вещи. Постучались – это хорошо.

- Заходите! – крикнула.

Ко мне вошла Мариша, принесла на подносе тарелку с чем-то съестным, вроде супа, кусок хлеба, кружку с напитком.

- Ешь, девочка, не бойся.

Я стояла возле худощавой пожилой женщины, чувствуя её боль в коленных суставах.

- Мариша, присядьте на кровать.

Похоже мой деловой тон дезориентировал слегка местное население.

- Пожалуйста, - добавила я мягче.

Женщина от растерянности уселась. Я присела у её ног, обхватила колени и, закрыв глаза, попробовала её хворь увести не в камень, а в воздух.

Я представила болезнь черной субстанцией, как она выходит из коленных чашек и растворяется в воздухе.

- Получилось!

Я громко выкрикнула.

Мариша подскочила, присела, довольно низко для пожилого возраста, а потом поклонилась мне.

- Пожалуйста. Мариша, можно я в одиночестве поем.

- Да, да, да, - она быстро исчезла.

Я села на всякий случай спиной к двери, стола в комнате не было, пришлось на полу уместиться, расстегнула ворот у балахона, опустила повязку на шею, с удовольствием начала есть.

10

Съела быстро суп, он был густой и сытный, с большим куском мяса, посуду вымыла в ванной комнате и поставила на столешнице комода.

Спать в чем? Не с горбом же? А как?

Колготы, платье и туфли положила у кровати на пол, накинула балахон свой на нательное белье, маску на шею опустила, капюшон на голову нацепила. За окном быстро темнело, как в Сибири зимой, помню в 7 классе мы учились во вторую смену, так нас родители по очереди встречали, темень была уже в шесть вечера. Я затушила фитильки, оставив два, как ночники, потрогала постельное белье, плотное, чистое, приятное. Сняла сверху покрывало, откинула одеяло и легла, сняла одеяние, рядом с собой положив накидку горбатую.

Как же хорошо!!!! Спина и плечи гудели, я распластала руки и ноги, прикрыла глаза.

Ну, что ж! Имеем красивого статного владыку с непонятной этимологией заболевания. Завтра постараюсь еще раз просканировать ноги и поясницу, мне нужен диагноз. Да.

Нехотя просунула руки в плащ, легла на бок, ну вроде ничего, накинула капюшон на голову, закрыла глаза. Уже находясь в пограничном состоянии, когда уже и уснула вроде, я услышала стук.

Открыла глаза.

Зайдут или нет, интересно?

Дверь открылась. Нда, зашли. Тихо кто-то подошел к кровати, потом к комоду, взял тарелки. Я лежала лицом к стене, спиной к двери и к действиям, что происходили в моих покоях, временных, конечно. Ещё кто-то зашел. Ну, устроили проходной двор.

- Мариша, - шепотом сказал Белогор, - ты чего тут?

- Да вот, зашла справиться, а она спит. Принесла ей сладость, не болят же колени, уже и забыла, как это хорошо, она вымыла всё за собой. Вишь, спит в одежде, стыдится, ах. Жалко, сильная она, откуда только, мыслимо с орчих земель, в темном вся, там такое носят.

- А у меня опять отнимаются, пойду к себе, пусть отдыхает. Стеша её зовут, обращайтесь к ней по имени, и чтоб слово «болезная» не слышал.

- Гарма уже растрезвонила про лицо её, говорит, такого страха никогда не видела.

- Дура.

Ушли. Я улыбалась. Защищает меня. Зарылась в капюшон, уснула.

Стук. Открыла глаза. Узнала стены. Я в новом мире, да. Выспалась на удивление, как уснула в одном положении, так и проспала всю ночь на боку.

Стук повторялся.

Я спустила ноги с кровати.

- Сейчас, - крикнула.

За дверью притихли.

- Кто там?

Я была в одном балахоне, платье и колготы не успела надеть.

- Стеша, это я, Мариша, отвори.

Я открыла дверь.

- Мариша, доброе утро, я еще не оделась толком, что случилось?

- Белогор просит тебя.

- Сейчас, умоюсь и приду. В эту дверь же заходить?

- Да, он ждет.

Я умылась, оделась, пошла к владыке. Он восседал на своем кресле.

- Болят?

- Да.

- Доброе утро, владыка Белогор.

Он смотрел.

- Чудно говоришь, Стеша.

- Так привыкла.

- Ела вчера на полу?

- Да.

- Стол тебе принесут и стул, проси, не стесняйся. Вещи сменные, какие нужны?

- Хорошо. Давайте ноги свои, гляну.

Он кивнул, я подошла к мужчине, увидела через свою маску засос на шее у него, и что-то меня так это уязвило. Я уставилась на него, он смотрел тоже, я была закрыта от него, он сглотнул, согнул голову набок, пряча Гармины метки принадлежности.

Еще вторгнуться в него не хватало! Не надо! Исцелю и сваливаю, беру мзду и, правда, лечебницу открою. Я села у ног владыки.

- До коленей закатайте штаны.

Он послушно собрал ткань, зафиксировал на коленных чашках, открывая красивые спортивные мужские икры, покрытые темно-русыми волосами. Я наклонилась так, чтобы он не видел моих рук, не хотела. Взялась за щиколотки, ладони загорелись мгновенно, будто хворь боялась моих рук, корчилась от моего касания, так-так, я всасывала черноту, и шумно выдохнув, начала выпускать её через рот. Я выдыхала и выдыхала, шумно и часто, как женщин учила при сватках, вот точь-в-точь дышала так, потом закашлялась от сухости в горле, опустила руки, сгибаясь к полу. Владыка соскочил, убежал, прибежал, поднял меня под мышками, усаживая в кресло.

- Стеша, на, попей, я отвернусь, Стеша, - голос казался громким очень, звенел аж в ушах.

- Тихо ты, не шуми.

Он выдохнул, ухмыльнувшись, я подняла на него лицо, мне хотелось пить, очень. Я протянула руку, не задумываясь, оголив до запястья, он схватил её резко.

Блять!

Как на что-то диковинное смотрел на мои пальцы, крепко сжимая мою ладонь в своей лапищи.

- Маленькая какая, белая, нежная.

- Воды можно, владыка, - я тряханула предплечьем, накидывая на ладонь рукав.

Он дал, я просунула руку под ткань и стала пить жадно, он смотрел.

- Спасибо!

- Сиди тут, Стеша, я сейчас!

Он быстрым уверенным шагом вышел из покоев.

Не понимаю. Может и проклятье, похоже очень, если я лечу руками, забирая хворь, значит как-то её в него поместили, мне надо его осмотреть всего.

В покои вошел Белогор с большим подносом еды, поставил на стол, сервируя. Я наблюдала. Двигался легко, улыбался, не болит, значит. Я рада. Он что хочет со мной есть тут?

- Стеша, размер ноги твоей я запомнил, сапожки тебе шьют, не гоже в туфлях тут, кафтан тоже. Составь компанию, позаутренней со мной, целительница.

- Не болят?

- Как в былые времена, силу в них чувствую.

- Ну и славно.

Он как-то рвано выдохнул и стал наливать из пузатого глиняного чайника горячий напиток. На подносе были тарелки с кашей, похожей по виду на пшенную, пиала глиняная с каким-то вареньем и все. Порции у них большие, сытные, это я уже отметила. Посуда деревянная, но тонкая, изящная, я покрутила перед носом ложку, разглядывая.

- Так дерево обработать умело, гладкая, приятная, легкая. Мастерство. Красиво.

Белогор опять уставился. Вот куда он смотрит? Вся моська моя закрыта.

- Стеша, Мариша порхает, как невеста, спасибо за неё тоже.

- Пожалуйста.

- Мастера в Осии по дереву лучшие во всей Велионии, заказы у нас на годы вперёд.

Я зачерпнула ложку каши и под тканью взяла в рот, вкусно. Белогор видно понял, что мне комфортно, начал тоже есть. Ел не спеша, с аппетитом, быстро опустошив огромную тарелку. Потом стал намазывать хлеб вареньем мне и себе.

- Стеша, до тебя меня микстурами лишь пичкали все, а ты руками исцеляешь.

- Ага.

Улыбнулся. Умный. Внимательный.

- Так в старину ведьмы лечили.

- А где они сейчас?

Он замер с хлебом в руках.

- Ну, ты юная совсем, не рассказывали тебе видимо.

- Видимо нет, я жила почти одна.

Он кивнул.

- Ведьм всех демоны истребили, не вынесли, что ведьмы по силе с ними равны, принуждать их стали, а они гордые, сгинули. Вот уже больше трех сот лет нет их в мире. Ни ведьм, ни демонов.

- А демоны?

- Их покарала Боги. Горы, что окружали их земли, вылили на них жидкий огонь. Горы громыхали, огонь тек, сгорели они дотла.

«Землетрясение похоже».

- Может, кто успел спастись?

- Не знаю, легенды ходят, что по разным мирам и ведьмы, и демоны попрятались.

- Интересно, - дожевывая, произнесла.

- Да, держи, - он протянул мне хлеб.

Я пальчиками из-под рукава быстро взяла.

- Что за напасть со мной, Стеша?

- Пока не знаю, мне надо спину вашу осмотреть, грудь, руки. Гуляет по телу хворь, надо эпицентр найти, очаг поражения.

- Чудно говоришь.

- Это лекарские слова.

- Сейчас у меня совет, можно после обеда.

- Хорошо. А можно мне на улицу? Красиво там, как в детстве, зима сказочная.

Белогор промолчал, задумчиво опять посмотрел на меня.

- Мариша тебя проводит.

- Спасибо, владыка.

- Ты ко мне уже на "ты" обратилась.

- Вырвалось. Извините.

Он свёл брови у переносицы.

Открылась дверь, и в покои вошла Гарма.

Посмотрела, сжала губы, но выдавила улыбочку.

Мы с Белогором сидели за небольшим круглым столом. Может, они частенько тут с ней после жаркой ночи завтракали. Мне не понравилось моё предположение.

- Дорогой! А мы с тобой не кушали так никогда.

«Ха, так тебе. Но не с претензий же начинать, Гарма. И когда я такой умной стала? Сама три года Пашу пилила».

У Гармы было платье с красивым декольте, голубое, как небо летнее, грудь, наверное, размера пятого, сама молодая женщина была крупной, сбитой, полной, подбородок двойной, щеки упругие, волосы черные, кареглазая, и над губой усики проглядывались. Дородная такая, кровь с молоком, пальцы пухлые, в кольцах.

- Гарма, тебя не приглашали, - владыка был недоволен.

«Вот бабы, если в койке побывают, начинают власть качать». Я сидела тихо, жевала хлеб с вареньем.

- Вчера ты был такой горячий, как этот взвар.

Я сдержала себя, чтобы не заржать, но похоже тихий смешок вырвался, и владыка услышал, глазами лишь в мою сторону повел.

- Спасибо, владыка, за завтрак, я пойду.

Я встала, он хотел было помочь, я рукой в длинном рукаве показала, что сама, останавливая его попытку, вспоминая Аглаю, как она меня так же остановила.

Было это еще вчера...но уже в прошлой жизни, нда.

11

Через некоторое время постучалась Мариша. Она принесла мне сапоги кожаные невысокие, с чуть заостренным носом, аккуратные, ладные. Я взяла в руки сапожки: легкие на удивление, внутри утеплены войлоком, край голенища обшит цветным сукном с мехом – красивые. Мариша помогла их надеть, так как, сгибаясь, я чуть не рухнула носом в пол от тяжести горба.

Она поохала. Мне на плечи накинула кафтан с мехами, уточнив, что это её, а для меня пока шьют, и мы пошли на улицу.

Мы спускались по деревянной лестнице, затем прошли по первому этажу просторного коридора, по левую сторону от меня горели светильники, и висела черная волчья шкура, огромная, видно охотничий трофей, по правой стороне я насчитала три двери, наверное, за одной из них Гарма Белогора приветает.

Никто нам не встретился в доме, зато, когда мы вышли во двор, я окунулась в жизнь этого места. Кипела жизнь, дело кипело: конский топот, стук топоров, мужские басы. Снег был утоптан следами от конских копыт и человеческих сапог. Мне бросились в глаза ворота массивные деревянные с железными шипами, такие ворота встречают не гостей, а судьбу. У ворот высокая сторожевая вышка с колоколом-набатом, его язык молчит, но готов закричать в любой момент. Конюшни с теплым запахом навоза и сена, неподалеку увидела кузню – там горел огонь на языке молота, а кузнец, как жрец этого огня, бородач в одной рубашке, блестящий от пота, делал свое привычное дело. Амбары с запасами. По периметру было много голых деревьев и кустарников, покрытых снегом, наверное, не для красоты, а для жизни тут росли яблони или вишни, похоже очень на них.

Мариша стояла рядом, пока я осматривала с любопытством владения Белогора. Развернулась и посмотрела на дом. Это не дом, это терем. Задумчивый, как сам владыка. Стены из дерева, что со временем стали темными, между брёвен – красный мох, наличники на окнах резные, а там не просто узор, а словно письма предков: солнце, разглядела еще птиц и зверей. Крыша, как шапка Мономаха, покрытая тёсом. На вершине голова птицы, словно уносит дом в небо.

- Стеша, чего застыла? – услышала я голос Мариши. – Так и замёрзнуть недолго.

Мужчины сновали, то и дело поглядывая на меня, сведя брови, будто извиняясь за то, что посмотрели в мою сторону. Все были черноволосы, многие с бородой, что от морозца покрылась инеем. Мужички забитыми не выглядели, наоборот, будто каждый тут был хозяин, деловые все, крепкие.

- Красиво тут, Мариша!

Я потихоньку пошла к воротам, желая выйти к лесу, оглянулась непроизвольно еще раз на дом и увидела в окне Белогора. Он смотрел. На меня. Я чуть подняла руку, оголив ладонь, помахала. Ну, а что? Он улыбнулся, кивнул.

Это был какой-то княжий двор, где умело переплелись воля одного владыки и судьбы многих. В этом месте была Душа.

Мариша отворила дверь, что была вырезана в воротах, и мы пошли к лесу. Она была здесь за главную, похоже, с ней здоровались, уважительно склонив голову.

- Стеша, ты далеко собралась-то?

- В лес хочу.

- А что там? Заметен он весь, спит, как наш Белогор.

- Что значит спит, как Белогор?

- Ну, медведь его в спячке уже тридцатый год, вот и лес словно за ним заснул, неживой стоит, холодный.

- Мариша, а ты кто?

Мариша засмеялась.

- Так волчица, как все, один владыка – медведь, он один такой.

Я пребывала в шоке, похоже это не метафора никакая, Рубиль напрямую говорил.

- А ты кто, Стеша?

- Я не знаю, Мариша, хилая с рождения была, потом видеть недуги научилась, вот исцеляю.

Не ляпнуть бы лишнего. Еще бы знать, что лишнее.

- Спасибо, что решилась приплыть, благо Сурия не замерзает.

Чем дальше от ворот мы отходили, тем снег был глубже, я остановилась.

- Не могу.

- Белогору скажи, он сани запряжет, покатают тебя, пошли, болезн...Стеша.

Мариша меня проводила до двери моей комнатки, сказала, что обед мне принесет скоро. Мне не хотелось сидеть одной, как монашке в келье.

- Спасибо, а можно мне почитать что-нибудь? В библиотеку сходить? Есть у владыки библиотека?

Вот что мне делать? Пока ноги Белогора бегают, поди и не вспомнит обо мне.

- Так есть, туда правда уже лет как двадцать не заходил никто.

- Можно мне, пожалуйста, а то в четырех стенах сидеть скучно.

Мариша распахнула кафтан, взялась за ремень и крутанула его, на животе оказалась связка ключей, она деловито сняла один и протянула.

Волчица указательным пальцем показала направление вдаль коридора:

- Смотри, самая дальняя комната - книжная, сама идешь туда и читаешь.

- Спасибо, а мне можно, ругать не будут?

Мариша засмеялась.

- Не бойся, Стеша.

В комнате своей я разделась, походила несколько кругов без накидки, разминая плечи, услышав шаги, нацепила снова, села за стол.

Мариша принесла мне обед. Мне было интересно всё:

Кем приходится Мариша владыке? Что я ем тут одна – понятно, болезнью прячут от глаз подальше. Кто в доме ещё живет, и что значит двуликие?

Я быстро поела, помыла посуду, оставила её на столике, понеслась, как могла, в книжную. В маленькой темной комнате открыла окно, распахнув шторы, увидела огромный шкаф с книгами, что занимал всю стену, у окна стоял стол круглый деревянный и стул со спинкой. Отлично, домашняя библиотека. Пошла опять к себе, взяла полотенце, намочила его водой, вытерла пыль со стула, стола, у части корешков книг и с трепетом взяла первую, что попала под руки. Детские картинки, песни – я понимаю местную азбуку, взяла вторую – повествование о каком-то походе, вернула на место. Оглядела весь шкаф вдумчиво, не спеша, опустила ткань с лица и с самой верхней полки мне захотелось взять толстую книгу в темно-зеленом переплете, огляделась, в углу лестница, отлично.

Выглянула в коридор – никого, на этом этаже, я уже поняла это: комната Белогора и моя из жилых. Закрывает дверь, скинула плащ и шустро стала карабкаться по лестнице, с трудом достала тяжелый фолиант, под мышкой зажала, спустилась, оделась. Фу! Вытерла полотенцем обложку, развернула стул к окну и с придыханием взяла в руки книгу.

Руки словно почувствовали её. Это не просто книга, это словно спящий мир, она не лежала в руках, ждала, когда мои пальцы нарушат покой и разбудят слова. Я осматривала её, обложка из дерева, обтянута какой-то кожей (телячьей? овечьей?), на которой ещё угадывается сетка пор — словно кожа помнит, что когда-то дышала.

По углам — потускневшие металлические наугольники, стягивающие кожу, как доспехи на теле воина.

Я развернула обложку. Первая страница. Провела подушечками пальцев: листы плотные, упругие. Чернила не черные, а коричневые, буквы — не печатные, а выведенные пером с неровными штрихами, дрожанием, кляксами, видно, где писец уставал или задумывался — строка плывёт вверх или сжимается. В начале глав красные или синие заглавные буквы, украшенные каким-то орнаментом. На второй странице картинка на весь разворот: птицы с змеиными хвостами, звери с листьями вместо шерсти, красивая женщина верхом на медведе, девушка в окружении трёх волков, красавец с рогами и хвостом обнимает рыжеволосую красавицу, наверное, демон, в центре женщина с белокурыми волосами и зелеными глазами, как звёзды. Мир, который я не знаю, но верю, что он есть. От листов шёл запах пыли, нет - тлена, сладковатый грибок и отголоски дымка - что-то такое ударяло в нос даже сквозь ткань.

Я испытывала трепет, выдохнула и начала читать, нарушая покой книги. Читая, я понимала, что во мне ожило то, что я забыла: слова могут быть священны, а бумага — плоть истины.

12

Я тонула в сказке, читая об истории возникновения мира, в который попала, о жителях, населяющих его.

Земля Велиония.

Это не просто мир, а живое существо, что на языке Древних значит «колыбель теней и света». Земля изначально Богами была поделена на:

Леса Эльфийских Шёпотов, где проживают эльфы – высокие мужчины и женщины с кожей лунного света, большими ушами, способными услышать шёпот листьев и понять, о чём они говорят. Эльфы управляют памятью земли, снами растений, их заклинания – не слова, а мелодии, которые поют деревья- хранители. Живут эльфы в городах, вплетенных в кроны гигантских деревьев, у них нет письменности – свою историю они хранят в узорах на листьях. Они живут тысячи лет, их философия: «Всё, что рождается, должно успеть расцвести. Спешка - оскорбление вечности».

Волкодолье. Жители лесов и степей – оборотни-волки. Они живут по звериному сердцу, по зову Луны. В человеческом облике глаза их меняют цвет от золотого до желтого. В звериной форме не просто волки, а существа размером с коня. Их оборот – не проклятие, а дар, диалог с дикой частью души. Оборачиваются оборотни по желанию, живут кланами-стаями, их закон: «Кровь за кровь, верность за верность». Чтят старейшин, чьи седины – отметины пережитых оборотов. У оборотней есть истинность - дар, соединяющий женское и мужское в пару, неделимое целое. Их философия: «Два раздвоения в одной груди – полнота, награда Луны».

Гнездо Хранителя. Это поселение с пещерами-дворцами, которое заселяют драконы. Драконы – не просто ящеры, а существа из плоти, камня и снов. Их магия – дыхание, одни дышат огнем, другие - звездным холодом, третьи – вихрем песков. Самые древние говорят с горами и реками. Драконы – двуликие, как и оборотни-волки, принимают облик ящера по желанию. Вознаграждены истинностью, в результате которой мир одаривается драконом. Как и эльфы живут до тысячи лет. Драконы могут вдыхать эмоции и хранить их в кристаллах, которые потом светятся внутренним светом.

Орчьи пещеры. Жители скал и пещер - орки, сильны духом и телом, кожа имеет оттенок болотной зелени, приземистые и мускулистые, с клыками. Они кузнецы, рудокопы, следопыты и охотники, философы и хранители преданий. Несмотря на устрашающий вид, существа мирные, добродушные, искусны в резьбе по кости и камню, дружны с гномами. Понятие чести — ключевое. Нарушить слово — хуже смерти. Предатель изгоняется не из поселения, а из реальности — его имя стирают из всех песен, о нём запрещено говорить, как будто его никогда не было. Письменность – руническая. Орки – зеркало, в котором другие расы видят ту часть себя, которую боятся признать: красота – бывает суровой. Верные семьянины.

Я не могла оторваться, читала взахлеб, не ощущая тяжелой ноши на спине. Солнце садилось. Я поднялась, вот теперь отчетливо и болезненно чувствуя поясницу, отыскивала огниво для фитиля, что предусмотрительно было рядом со светилом, подожгла, оживив несколько светильников, уселась снова.

И появились в Велионии демоны. Они не были созданы Богами.

Они появились, когда разумными существами стали овладевать пороки: ненависть, гордыня, гнев, зависть, злоба, корысть, властолюбие. Демоны не имели единого облика, их форма - отражение порока. Демон гордыни – прекрасен до мурашек, демон уныния – сер как тень, демон гнева – существо из раскаленных мышц. Их глаза пустые, без души. Их узнавали по

бездонным глазам. Демоны питались плохими эмоциями, они игроки, мастера обманов. Чем больше в существах было пороков, тем больше демонов рождалось.

Тогда вмешались Боги и подарили Велионии обереги-ведуньев.

Ведьмы. Созданы были ведуньи как соблазн для демонов, и как угроза. Обладая даром видения всех пороков и достоинств, ведьмы были посланы исцелить зло в существах, не давая пищи для демонов. Они пели, танцевали, исцеляли своей любовью, заботой, дружбой, преданностью, нежностью, давая надежды и возможности.

Никто и не предполагал, что демон полюбит ведьму, а полюбив, сам искоренит свои пороки.

И тогда миру был дан шанс жить в мире и созидании, ведь любовь – высшая благодать в мире.

Демоны и ведьмы создавали самые крепкие и любящие союзы. Появлялись в таких союзах высшие сильные демоны, обладающие даром предвидения, умению договариваться, строить прекрасные дома, они стали созидателями, уравнилителями плохого и хорошего, зла и добра, порока и добродетели, ведь тот, кто смог исправиться и очиститься сам, становился неуязвимым, божественным. Они стали самыми могущественными и сильными, как внешне - телом, так и внутренне - духом, к ним приходили за советом, помощью. Пороки остались, но существа теперь сами с ними боролись или призывали на помощь ведьм-целителей. В союзах истинных пар ведьм и демонов рождались и сильные ведьмы-целительницы, способные видеть недуг на расстоянии, чувствовать его и искоренять из плоти.

Не все демоны исцелились. Не найдя, чем питаться, демоны озверели и стали ведьм убивать. Жестоко.

Под разными личинами приходили к ведуньям демоны, убивали их, брали в рабство, насильничали. Мир погряз в хаос, расы разъединились, внутри рас стала происходить вражда.

Ведьмы предпочли смерть, чем быть в удобном услужении у демонов, у их пороков. Целительниц не стало. Мир загрустил. Как они в один миг пришли в мир, так и исчезли. С ними исчезла и страсть, и радость жизни, и игривость, и целительство истинное.

Как и демонов не стало, их сожгла земля Велиония, в их собственных домах.

Белогор.

Я дошла до Белогора. С колотящимся сердцем, жадно начала читать. Имя его шло отдельной главой. Все эти записи сопровождалась картинками, почерк был крупный, я прочитала почти всю книгу. Перевернула очередную плотную станицу.

В лесах Волкодолья ранней весной под пение птиц из берлоги вылезла медведица с медвежонком, громко завывала, призывая силы земли, отдавая себя миру, Богам. Её сынок, маленький бурый медвежонок обернулся в человека. Осии был дарован царь леса, владыка леса, мудрый правитель Белогор.

Я видела размытые кляксы, словно писавший плакал.

Белогора вырастила волчица Мариша - старейшина стаи оборотней-волков в тайне от вожака стаи.

Белогор в честной схватке убил черного волка, вожака, что злобой и коварством своим мешал стае жить в доброте. Белогор стал владыкой, почитаемым оборотнями-волками, мудрым, единственным медведем-оборотнем в Велионии.

На полной луне было видение Мариши: будет у Белогора истинная пара, как у волков – подарок Богов.

Я отвела глаза от страницы, выдыхая, потянула шей в разные стороны, отложила книгу на стол и посмотрела в окно, увидев Белогора в отражении, резко обернулась, спохватилась, уткнулась в колени, цепляя ткань на лоб, закрывая ею глаза.

Надеюсь, в темноте не увидел цвет. Напугал медведь.

- Я заходил уже много раз, ты всё читала. Как ты достала её?

- С трудом.

Он усмехнулся, качая головой в стороны.

- Пропустила ужин. Дойдешь сама?

Не уж-то нести меня собрался?

- Дойду.

Я встала и резко согнулась в коленях, падая. Спина затекла сильно, я просидела несколько часов в одной позе с грузом, ноги не слушались.

Меня подхватили сильные руки и понесли. Я посмотрела на мужчину вблизи, очень близко, он тоже смотрел, поверх носа, на мою тряпицу, но будто в глаза.

- Как ноги? Сегодня посмотрим вас или завтра?

- Ты устала, давай завтра с утра, Стеша.

13

Я приняла душ. Съела весь ужин больше из уважения, чем от голода, помыла посуду и завалилась под одеяло. Легла снова на бок.

Так, что мы имеем: двуликие – это оборотни, я ведьма, и если бы жила здесь с рождения, то мои папа с мамой, возможно, были бы демоном и ведьмой. Прикольненько. Белогор. Ну, тут прям не прикопаешься, прям такой хороший, аж раздражает. А чего это я? Стеша... Не ведись, у него своя жизнь, истинная где-то. Вылечу его, побежит – отыщет свою зазнобу, про меня и вспомнит пару раз, может. Эх!

Если в библиотеку не захаживали 20 лет, зверя нет у Белогора – 30, Марише – восемь сотен, сколько владыке интересно? Долгожители в Велионии, однако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.